

УДК 314.622..44”1950/1960”

doi 10.17072/2219-3111-2021-2-173-185

Ссылка для цитирования: *Воронова Е. А.* Охотница за алиментами или жертва мужчин: мать-одиночка как категория советской повседневности в 1950–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 173–185.

Link for citation: *Voronova E. A.* An “Alimony Hunter” or a “Victim”: Single Mother as a Category in the 1950s and 1960s Soviet Everyday Life // Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). 2021. № 2(53). P. 173–185.

ОХОТНИЦА ЗА АЛИМЕНТАМИ ИЛИ ЖЕРТВА МУЖЧИН: МАТЬ-ОДИНОЧКА КАК КАТЕГОРИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1950–1960-Е ГОДЫ¹

Е. А. Воронова

Институт Российской истории РАН, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

kathy-voronova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2456-8488

ResearcherID: 4510060

Матери-одиночки – нормативно зафиксированная Указом от 8 июля 1944 г. категория женщин – была неотъемлемой частью советской повседневности. В советском законодательстве 1950–1960 гг. фиксировалось неравноправие женского и мужского родительства, когда женщина признавалась матерью по факту рождения ребенка, а мужчина становился отцом лишь после формально зарегистрированного брака. Согласно нормативным актам, действовавшим до 1969 г., матерью-одиночкой являлась незамужняя женщина с ребенком, которая имела право на социальную и материальную поддержку со стороны государства. Однако бытовавшие в обществе варианты употребления в речи этого понятия разительно отличались друг от друга по значению. Матерями-одиночками называли несколько категорий женщин с детьми, с совершенно непохожей судьбой и с разным опытом семейных отношений. Автор показывает отсутствие консенсуса и в нормативных актах, и в материалах периодической печати, и в письмах советских граждан в отношении того, каких женщин следовало называть матерями-одиночками. Источники демонстрируют ряд социальных и культурных стереотипов, существовавших как среди современников, так и среди самих советских незамужних матерей. Несмотря на многообразие трактовок и моделей, современники практически единодушно признавали незамужних матерей и их внебрачных детей «неполноценной семьей», что, с точки зрения автора, свидетельствует о наличии общественной стигматизации матерей-одиночек. Особое внимание автор уделяет вопросу формирования самоидентичности у незамужних женщин и их стратегиям и практикам репрезентации в публичном пространстве.

Ключевые слова: советский гендерный порядок, матери-одиночки, письма во власть, советская семья, советское семейное законодательство.

Введение

В кинофильме режиссера Ильи Фрэза «Я купил папу» (1962 г.) главный герой, мальчик Димка, недоволен тем, что у всех детей, кроме него, есть отцы. Его мама, безымянная мать-одиночка, потратила все свои деньги на мороженое, и поэтому, как думает Димка, ей не хватило денег на покупку папы для ребенка. Покупка мороженого в фильме выступает метафорой быстрого и доступного удовольствия, за которое впоследствии женщина расплачивается своим одиночеством, неустроенностью жизни и своей, и ребенка. Димка остро чувствует «неполноценность» своей семьи и, выступая для своей матери маленьким добытчиком, решает отправиться на поиски потенциального отца в универмаг. Режиссер воплотил на экране распространенные представления о матерях-одиночках как о слабовольных, меланхолических женщинах, «совершивших ошибку», из-за которой они обречены воспитывать ребенка в печальном одиночестве, лишь уповая на то, что в какой-то момент в их жизни появится мужчина. Этот образ

был узнаваем в советском обществе, несмотря на то что в фильме героиня прямо не называется матерью-одиночкой.

История возникновения и функционирования понятия «мать-одиночка» как юридической категории лишь недавно привлекла внимание историков. В советском законодательстве этот термин, означающий незамужнюю мать, получающую пособие от государства, появился и стал использоваться после Указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. Как показывают исследования Миэ Накаши [*Nakachi*, 2006, р. 40–68], этот нормативный конструкт стал воплощением демографической политики советского государства, которое стремилось восстановить население в максимально сжатые сроки после войны. Впервые в советском законодательстве четко прописывались критерии, по которым женщина определялась как мать-одиночка, а также привилегии, предоставляющиеся ей. Однако вместе с объявлением женщин, без поддержки отцов воспитывающих детей, особой категорией, поддерживаемой государством, их лишали права обращаться в суд для установления отцовства, а метрики их детей были неполными (в графе «отец» стоял прочерк). М. Накаши обращает внимание на то, что в условиях уголовного наказания за проведение аборт многие незамужние женщины были обречены на то, чтобы стать матерями-одиночками [Там же, р. 60].

В советской реальности фразу «мать-одиночка» можно было встретить в совершенно разных контекстах. Само слово «одиночка» обозначает «делать что-то одному, обходиться без посторонней помощи/поддержки», однако в русском языке оно имеет и негативные коннотации в связи с однокоренным словом «одиночество». Советская пресса подчеркивала, что «одиночкой матерью» быть намного лучше, чем «одиночкой женщиной» [*Randall*, 2011, р. 72]. При этом речь шла о довольно небольшой категории матерей, решивших родить ребенка, воспитывать его самостоятельно и в конечном счете не пожалевших о своем выборе. Публицисты игнорировали матерей-одиночек, выпадавших из этой парадигмы, к примеру, женщин, состоявших в неформальном браке, или тех матерей, которые считались одиночками в обществе, но юридически не являлись ими.

Тогда как историки работают с понятием «мать-одиночка» как нормативной категорией, социологи и антропологи показывают, как оно функционировало в повседневной жизни. Когда социолог Дженифер Утрата [*Utrata*, 2015] задалась целью проинтервьюировать позднесоветских и российских матерей-одиночек, то обнаружила, что респонденты понимают данное выражение совершенно по-разному и далеко не все разделяют позицию самой исследовательницы. Чтобы отразить многообразие смыслов, вкладываемых в понятие «мать-одиночка», Дж. Утрата провела интервью и с разведенными женщинами, и женщинами, которые находились в сожительстве с мужчинами, и просто с незамужними матерями. Этот подход позволил больше узнать о матерях-одиночках не как о нормативной, а как о социокультурной и экономической категории. Исследовательница отмечает флюидность и неустойчивость данного термина. Нормативная категория «мать-одиночка», системообразующая для 1940–1960 гг., не была так принципиальна для позднесоветских незамужних матерей. В работе Олсон и Адоньевой [*Олсон, Адоньева*, 2016], построенной на интервью с носительницами деревенской советской культуры, также подчеркивается, что мать-одиночка – это прежде всего некий ментальный конструкт. И Утрата, и Олсон и Адоньева изучали его ретроспективно, опираясь на более позднее представление и не задаваясь целью выделить особое место матерей-одиночек в советском обществе.

Цель данной статьи – показать, как послевоенное юридическое понятие «мать-одиночка» стало зонтичным термином, которое включало в себя самые разнообразные формы социального бытования незамужних матерей. Анализ представлений об этих формах бытования будет осуществляться на источниках нескольких типов: прежде всего, это нормативные акты (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» и др.), статьи периодической печати 1950–1960 гг. («Литературная газета», 1950–1960 гг.), а также письма советских граждан «во власть» и в редакцию «Литературной газеты». Часть писем публиковалась, но большая часть оседала в архиве «Литературной газеты» или же перенаправлялись в юридическую комиссию Верховного Совета СССР. Особый интерес вызывают те, которые были написаны матерями-одиночками, об-

рашавшихся в Президиум Верховного Совета СССР (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45), в Совет Национальностей Верховного Совета СССР (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а), а также в редакцию «Литературной газеты» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5).

Хронологические рамки, начиная с выхода Указа от 8 июля 1944 г. до нового Семейного кодекса 1969 г., являются условными нормативными границами от момента появления юридического понятия «мать-одиночка» и до того времени, когда женщинам вернули право на установление отцовства в суде. В связи с этим на протяжении 1950–1960 гг. советские люди употребляли в речи понятие «мать-одиночка» зачастую безотчетно и конструировали его как ментальную модель, наполняя своим опытом и целеполаганием. Для юристов, авторов статей в ведущих периодических изданиях, советских граждан и для самих незамужних матерей этот термин казался очевидным, однако он таковым не являлся.

В связи с этим в начале статьи будет рассмотрено возникновение и генезис термина «мать-одиночка» в нормативных документах, какие советские законодательские инициативы предшествовали Указу от 8 июля 1944 г. и как на нормативном уровне закреплялись семейные гендерные роли. Во второй части статьи покажем, что в советском обществе отсутствовало единодушие в отношении значения понятия «мать-одиночка». В законодательстве, периодике, письмах граждан наблюдались противоречия, и в целом в обществе отсутствовали надежные маркеры, по которым можно было определить, является ли данная женщина матерью-одиночкой или нет (почему одних так называли, а других нет? насколько формальный статус матери-одиночки соотносился с ее социальным статусом?). В таком случае возникают вопросы: чем матери-одиночки отличались от других советских женщин-матерей, в чем заключалась их специфика в глазах современников и какие риторические стратегии выбирали незамужние матери?

Репрезентации и конструированию модели советской незамужней матери в письмах «неравнодушных» граждан, а также саморепрезентация женщин, которых причисляли к категории «матери-одиночки», будет посвящена третья часть статьи.

Категория «мать-одиночка» в нормативных документах

В советском законодательстве до 1944 г. понятие «алименты» не связывалось с отцами, а матери-одиночки не фиксировались как отдельная правовая категория. Так, в 1924 г. в статье 165а Уголовного кодекса наказание родителей за оставление детей без поддержки не было гендерно дифференцированным: «Неплатеж алиментов (средств на содержание детей) и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки карается принудительными работами или лишением свободы до шести месяцев или штрафом до пятисот рублей» (О дополнениях..., 1924). Согласно законодательству 1920-х гг., родители в равной степени несли ответственность за ребенка, алименты понимались как «деньги на содержание детей», которые в зависимости от ситуации выплачивались или матерью, или отцом. Однако, в точки зрения правоприменения, всем было очевидно, что дети будут оставаться с матерью, а мужчина будет осуществлять экономическую поддержку [Hoffmann, 2003, p. 112].

Следующим шагом советского законодательства стало право незамужних женщин устанавливать отцовство в суде и привлекать к ответственности мужчину, являющегося отцом ребенка. В Семейном кодексе 1926 г. был прописан следующий порядок: «Если суд признает, что отцом ребенка является лицо, указанное в заявлении..., он выносит об этом постановление и налагает на отца обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов» (О введении..., 1926). Женщина, не состоящая в браке, но являющаяся матерью (или готовящаяся ею стать), не называлась матерью-одиночкой, возможно, потому, что она была вправе заявить об отце ребенка и потребовать участия «в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка» (Там же). Деторождение являлось сферой ответственности женщины, которая могла обратиться в суд за установлением отцовства, но могла и не обращаться. У женщин в данном случае имелась презумпция правоты и возможность решать вопрос об отцовстве для ребенка: «Если заявление делается матерью, то она обязана указать имя и фамилию отца или же заявить о том, что не может или не хочет дать требуемых сведений» (Там же). Государство в данном случае выступало посредником и третейским судьей в разрешении спорной ситуации между женщиной и мужчиной: оно

могло привлечь к ответственности отца ребенка, однако никаких выплат от государства женщина в данном случае не получала. Что касается мужчин, то они имели право оспорить свое отцовство, но, в отличие от женщин, у них была «презумпция виновности»: они должны были доказывать, что не являются причастными к рождению ребенка. В случае, если отцовство признавалось самим мужчиной или устанавливалось в суде, мужчина был обязан обеспечивать мать и ребенка.

Для эпохи 1920-х гг. были характерны эксперименты в области брачно-семейных норм, в том числе и в законодательстве. Идеологи и юристы верили в то, что идеальной формой брака является союз свободной женщины и свободного мужчины, не обремененных бытовыми обязанностями. Семья как домохозяйство воспринималась в качестве «буржуазного пережитка», а воспитание детей, согласно представлениям 1920-х гг., должно было стать делом общественным, а не частным [Goldman, 1993, p. 3]. В 1930-е гг. произошел официальный пересмотр идей 1920-х гг., и семья стала инструментом государственного контроля над сексуальностью людей и средством для решения ряда экономических и социальных проблем [Hoffmann, 2003, p. 105]. Пронаталистская политика советского государства 1930-х гг. была нацелена на укрепление репродуктивной функции семьи, поэтому на советскую женщину возлагалась двойная нагрузка: помимо трудовой обязанности, рождение и воспитание детей стало ее гражданским долгом.

В преамбуле к печально известному Постановлению ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт...» указано: «Установление минимума сумм, подлежащих уплате отцом ребенка на его содержание при раздельном жительстве супругов, с одной стороны, и запрещении абортов – с другой, вместе с усилением наказания за злостный неплатеж присужденных судом средств на содержание детей и внесением некоторых изменений в законодательство о разводах, в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» (О запрещении абортов..., 1926). Можно заметить, что теперь алименты признавались атрибутом отцовства: в тексте постановления использовано указание именно на отцов, а не на нейтральное «родитель». Женщины лишались права на легальный аборт, процедура разводов усложнилась, но все еще оставалась возможность установления отцовства в судебном порядке. Иными словами, женщина потеряла возможность легально прервать беременность, однако все еще имела право привлечь к ответственности отца ребенка и не нести все тяготы материнства в одиночку. В этом же документе далее прояснялась позиция властей относительно гендерного разделения – с кем из родителей оставался ребенок, а кто платил алименты: «Если мать-колхозница, получающая алименты, работает с ответчиком в одном колхозе, обязать правление колхоза непосредственно при исчислении трудовой записывать соответствующую часть выработанных трудов отцом (в зависимости от наличия детей) на счет матери» (Там же). Прежде лишь подразумевавшееся распределение материнских и отцовских обязанностей теперь было прописано нормативно.

Упоминание словосочетания «мать-одиночка» или производных от него (связанных со словом «одиночество») в советском нормативном пространстве впервые встречается в 1941 г. Во второй статье Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» отмечается, что «налогом облагаются одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 до 45 лет» (О налоге..., 1941). Для получения с граждан налоговых выплат было необходимо выявить потенциальных налогоплательщиков, и ими стали две большие группы населения: семейные бездетные и несемейные бездетные граждане. Однако в названии указа используются и маскулинно окрашенное слово «холостяки», и слово «одинокие», под которыми, соответственно, должны подразумеваться женщины. Далее в тексте указа слово «холостяки» не употребляется, остается лишь «одинокие» как собирательное для граждан, не состоящих в браке. И здесь нужно отметить два момента: во-первых, лексема «одинокие» становится синонимом к понятию «не состоящие в браке»; во-вторых, слово «одинокие» семантически связано только с женщинами. Скорее всего, такое уточнение требовалось для того, чтобы не путать бездетных семейных граждан и имеющих детей граждан, состоящих в незарегистрированном браке. Однако государство с этого момента определило, кто из граждан «одинокие», а кто – «холостые», и «одиночество» из абстрактного понятия стало юридической категорией, у которой имелись конкретные признаки: это незамужние и бездетные женщины.

Новая трактовка понятия «одинокий» и правовое положение незамужних матерей были предложены в Указе от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (Об увеличении..., 1944). Направленный на восстановление послевоенных демографических потерь, этот указ, с одной стороны, гарантировал выплаты и социальную поддержку незамужним матерям, а с другой – лишил женщин право устанавливать отцовство в суде, вписывать имя отца в метрику ребенка и претендовать на алименты [Nakachi, 2006, p. 41–42]. В самом названии есть слово «одинокая», которое относится именно к женщинам. Происходит закрепление слова «одинокий/одиночка» за понятием «женщина, не состоящая в формальном браке», что логически является продолжением законодательных тенденций 1930-х гг. («Установить государственное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей...»).

Другим значимым изменением стало то, что менялась роль государства: теперь власть объявляла себя патроном этой социальной категории женщин, и в какой-то степени вставала на символическую позицию отца [Chernova, 2012, p. 47]. Фактические же отцы, согласно Указу 1944 г., освобождались от ответственности за детей, если они не были зарегистрированы в браке с матерью ребенка [Денисова, 2007, с. 19–51]. Помимо этого, в данном указе вводился налог на малолетность (семьи с одним и двумя детьми также, как и бездетные граждане, облагались налогом), а также уголовное преследование за «оскорбление и унижение женщины-матери, злостный неплатеж алиментов на содержание детей». Особый интерес советского государства к женщинам как к демографической категории подтверждает и то, что наказание применялось за оскорбление не всех женщин, а именно матерей [Nakachi, 2006, p. 54].

Родительские роли разделялись на нормативном уровне: «женщина-мать», которая «пользуется всеобщим уважением и почетом», и «злостный неплательщик алиментов», которым может быть только мужчина. Отцы, воспитывавшие детей самостоятельно, или матери-алиментщицы (или злостные неплательщицы) исключались из нормативного дискурса. Отчасти это было отзывом на реалии военного и послевоенного времени (с сильным гендерным дисбалансом в советском обществе), однако терминологически и нормативно законодательство задавало тенденции в брачно-семейной сфере на последующие десятилетия, до принятия Семейного кодекса в 1969 г.

Со временем жесткие нормы немного смягчались [Денисова, 2007, с. 19–51], однако до 1970-х гг. ответственность за судьбу детей, а также за их метрики лежала целиком на женщинах. Поскольку привлечь мужчину к материальной ответственности или воспитанию ребенка можно было лишь в зарегистрированном браке, женщины могли лишь настаивать на заключении формального брака или же вступать в неформальный брак, рискуя в скором времени превратиться в мать-одиночку. В интересах же мужчин, наоборот, было не регистрировать брак, поскольку без юридического оформления брака мужчина не мог быть признан отцом в суде, следовательно, ему не могли быть назначены алименты. Другой аспект проблемы заключался в том, что зачастую мужчины уже были женаты (а получить развод в 1940–1960-е гг. даже при желании было сложно и дорого), следовательно, женщины, вступавшие с ними в связь, ни на что не могли претендовать с юридической точки зрения.

Таким образом, государство законодательно отделило формальное отцовство от биологического, а среди матерей выделило значительную часть «одинокоек», что привело к закреплению негибких родительских и гендерных ролей в семье и обществе. Более того, идеологически все матери были разделены на две группы: те, кому с воспитанием детей помогает родной отец, и те, кому помогает государство. Женщина не имела право выбора при беременности (из-за запрета на аборт), но и рождение ребенка автоматически определяло ее социальное положение как «нормальной» матери или матери-одиночки. Фактическое же отцовство, в отличие от фактического материнства, в законе никак не фиксировалось, и мужчина мог выбирать – оформлять ли им юридически отношения с женщиной и нести ответственность за детей или же отказаться от любых обязательств.

Примеры употребления термина «мать-одиночка»

Нормативная сфера была связана с периодической печатью: в ней публиковались указы и прочие законодательные акты, в статьях юристы могли разъяснять правоприменительные практики. В периодике оттепельной эпохи велось обсуждение различных законодательных инициатив и даже, насколько позволяла цензура, критиковались некоторые законы. Безусловно, критика Указа от 8 июля 1944 г. стала возможной только лишь после смерти Сталина. Одной из самых обсуждаемых тем в контексте этого указа стало юридическое и социальное положение женщин, воспитывающих детей, рожденных вне зарегистрированного брака. Для современников было очевидно, что данный указ ущемлял женщин и ставил в неравное положение детей. Статьи рассматривали эти проблемы с позиций гуманизма: их авторы выступали за равенство метриков, толерантное отношение к матерям-одиночкам, а также призывали мужчин к ответственному и осмысленному отцовству.

В 1956 г. 9 октября «Литературная газета» выпустила коллективное обращение С. Я. Маршака, Г. С. Сперанского, Д. Д. Шостаковича, И. Г. Эренбурга под названием «Это отвергнуто жизнью». Авторы подчеркивали, что Указ от 8 июля 1944 г. унижает и маргинализирует большое количество женщин и их детей: «Появилось и вошло в наш обиход неправомерное, как нам думается, официальное наименование “мать-одиночка”... в результате возникли тысячи трагедий, ломающих жизнь женщин, которых именуют “матерями-одиночками”, и детей их, на которых обыватели смотрят как на “незаконнорожденных”. Огромный фактический материал со всей очевидностью говорит о тяжелом, двусмысленном положении тех женщин и детей, на которых распространяется действие Указа» (Маршак и др., 1956, с. 2). Авторы обращали внимание на то, что мать-одиночка – это официальное, искусственно созданное Указом 1944 г. наименование.

Возникает вопрос о том, какие же категории матерей, с точки зрения этой риторики, попадали под такое несправедливое и негуманное определение, были ли какие-либо надежные критерии для определения матерей-одиночек.

Статьи 1950–1960 гг., посвященные проблемам безотцовщины и матерей-одиночек, были в конечном счете нацелены на ликвидацию Указа 1944 г., соответственно, частью их риторики была актуализация темы бедственного положения этих женщин и их детей. Однако в публицистических текстах использование термина «мать-одиночка» варьировалось от статьи к статье, даже в рамках одного издания. Матерью-одиночкой могли обозначить и вдову, и женщину, живущую в фактическом браке, и разведенную женщину. Так, в статье, посвященной воспитанию трудных подростков, есть словосочетание «матери-одиночки», хотя речь идет о детях, у которых в метрике есть отец, а женщина – разведенная вдова (Редько, 1953, с. 2). В статье про детские метрики один из читателей возмущается, что его фактическую жену считают матерью-одиночкой из-за того, что бывшая супруга этого читателя не дает ему развода и он не может зарегистрировать новый брак в ЗАГСе, хотя они проживают совместно и имеют общих детей (О детских метриках..., 1958, с. 2). Отдельно стоит выделить категорию женщин, которые жили в незарегистрированном браке, однако формально претендовали на пособие. Журнал «Социалистическая законность» писал о такой схеме: некоторые пары, ожидающие ребенка, специально не регистрировали брак, чтобы получать пособие. Эти женщины по закону были матерями-одиночками, однако фактически в советском обществе они не считались таковыми.

В 1950-е гг. в обществе все еще было в ходу представление о том, что матери-одиночки могут претендовать на алименты от мужчины, поскольку в коллективной памяти были живы правоприменительные практики, использовавшиеся до Указа от 8 июля 1944 г. Иными словами, не все граждане знали о том, что брачное законодательство сильно изменилось после войны, и потому из-за угрозы потенциальных алиментов, которые могли сказаться на семейном бюджете, замужние женщины и матери женатых мужчин, как правило, довольно открыто высказывали нетерпимую позицию к незамужним матерям, считая их или охотницами за приданым, или разрушительницами советской семьи: «Они прекрасно знают, что отец будущего ребенка никогда не собирался порывать с семьей, это явление чисто случайное, что ребенок родился по вине этой женщины, которая ставила само-цель пожить по эгоистическим расчетам, поиздеваться над чужим горем, принести травму чужим детям (здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация. – Е. В.)» (РГАЛИ. Ф.634. Оп. 5. Д. 488. Л. 12–14). Как

можно заметить, понятие «мать-одиночка» в данном случае вписано в стереотипные представления о женщинах, не останавливающихся ни перед чем ради перспективы «заполучить мужчину».

Также матерями-одиночками называли незамужних женщин, заводивших романы с женатыми мужчинами и имеющих детей от этих отношений: «В судьбе ребенка без отца часто виновницей является сама женщина-мать, а именно, часто встречаются факты когда женщина, причем, в солидном возрасте... попирая стыд, совет и женскую гордость, по расчету, а не по любви ловят семейных мужчин, которые имеют семью, детей, жену и прожил не мало лет, становятся жертвой таких женщин» (Там же). Фактически советские женщины боялись лишиться мужа, поскольку это было чревато снижением их социального статуса и превращением их в тех самых матерей-одиночек [Utrata, 2015, p. 20].

Очевидным маркером матерей-одиночек было получение ими денежных пособий от государства. Многие алиментчики, которые просили о снижении процентной ставки алиментов, ставили в пример государственные выплаты незамужним матерям: «Имеются женщины, получающие алимент за ребенка до тысячи рублей. В то же время одинокие матери получают пособия от государства 50 рублей на ребенка и весьма довольны этим» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 72). Однако выплаты матерям-одиночкам в размере 50 руб. (5 руб. после реформы 1961 г.) были незначительными (особенно на фоне громкой риторики Указа от 8 июля 1944 г. о том, что государство готово поддержать незамужних матерей), и для некоторых женщин формальный статус матери-одиночки не стоил такой материальной помощи (матери-одиночки рассказывали, что при оформлении пособия им пришлось «перетерпеть унижений и стыда» (ГАРФ. Ф.7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 168–170)). Большинство граждан понимало, что пособия матерям-одиночкам мизерные и не могут обеспечить ни женщину, ни ребенка, поэтому не считало «справедливой» и «правильной» помощь от патерналистского государства: «В каких анналах коммунистической морали сказано, что женщина одна должна воспитывать ребенка? Что это? Творческое развитие марксизма? И что это за выплата “помощи” 5 рублей в месяц, суммы, которой иным недостаточно на содержание собаки?» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 43–52). Незамужние матери считали, что материальную ответственность должен нести отец ребенка, во-первых, потому, что это казалось им справедливым, а во-вторых, потому, что 25% от заработной платы мужчины – это в любом случае оказывалось больше, чем 50 (5) руб.

Зачастую женщины добровольно отказывались оформлять пособие на детей, рожденных вне зарегистрированного брака: «Поскольку я сама мать одиночка но лично для себя ничего не хочу поскольку я работаю, имею в личном пользовании дом, огород вполне обеспечиваю себя и ребенка и не нуждаюсь в гос пособии не оформлялась и не только я, но и много таких» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 97–98). Как можно заметить, не все женщины, претендующие на пособие, стремились его получить. С другой стороны, как было показано ранее, некоторые женщины специально не регистрировали свои отношения с мужчинами, чтобы получать эту небольшую сумму на ребенка. Эти противоборствующие и уравновешивающие друг друга тенденции важно отметить в рамках официальной статистики по советским матерям-одиночкам.

Женщина, самостоятельно воспитывающая ребенка, могла не оформляться как мать-одиночка, однако прочерк в метрике ребенка на том месте, где должен был быть вписан отец, рано или поздно обнаруживался, поэтому угроза социальной стигматизации сохранялась. В связи с этим зачастую женщины стремились избегать термина «мать-одиночка», используя перифраз или уточнение (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 117–118), а свои отношения с мужчинами они определяли как «неформальный брак». Риторика и логика саморепрезентации женщин в таком случае выстраивалась следующим образом: в соответствии с традиционными представлениями мать-одиночка – это незамужняя женщина с ребенком от случайной связи, однако их союз с мужчиной был длительным, следовательно, «мать-одиночка» – это некорректный термин по отношению к ним. Иными словами, по мнению женщин, не все незамужние матери – это матери-одиночки, но все матери-одиночки – это незамужние матери, и следует четко разграничивать эти понятия. Разная смысловая и эмоциональная нагрузка на слово «одиночка» и различные коннотации наводили современников на мысли о том, что, поскольку возникает путаница в нормативном и «народном» определении, сам термин необходимо ликвидировать. «Изъять из обихода термин мать-одиночка, как не соответствующий действительности и являющийся чем-то нелестным для женщины матери.

Мать благородное слово, а не одиночка» (Там же). Следовательно, «одиночка» как бы нивелирует, принижает «благородное слово “мать”», и, по мнению женщин, это является дисгармоничным сочетанием чего-то «высокого» с чем-то «порочным».

Таким образом, большая категория женщин с разной судьбой и жизненными обстоятельствами оказалась маркирована довольно уничижительным, с точки зрения современников, термином. Нормативное определение фиксировало категорию матерей-одиночек как женщин, получающих поддержку от государства, однако «народное», или «традиционное», понимание существенно отличалось: это была довольно маргинальная и отчужденная от социальной жизни группа женщин, у которых не было никакой поддержки в жизни.

Отношение современников к матерям-одиночкам

Позиции современников в отношении проблемы матерей-одиночек в 1950–1960-е гг. можно условно охарактеризовать как дихотомию справедливости – несправедливости. Современников волновал вопрос о том, справедлива ли участь матерей-одиночек или же они заслуживают сочувствия, т.е. следует ли пойти навстречу требованиям об изменении законодательства. Общество разделилось на «обвинителей», которые считали, что матери-одиночки не заслуживают поддержки, и «адвокатов», которые разделяли гуманистический посыл публикаций в «Литературной газете», «Правде» и «Работнице» и поддерживали законодательную инициативу по единообразию детских метрик и установлению отцовства в суде.

Позитивная модель

На протяжении 1950-х гг. газеты и журналы стремились нормализовать понятие «мать-одиночка», отрицали его стигматизирующий статус, а в 1960-е гг. в периодической печати все настойчивее слышались требования изменить брачно-семейное законодательство. Официальный дискурс высказывался в защиту незамужних матерей, однако парадоксально: чем большее значение имело мнение о том, что мать-одиночка нуждается в особом внимании и поддержке, тем больше это говорило о ее невысоком социальном статусе. Это противоречие закрепляло стереотип о том, что мать-одиночка – явление аномальное для советского общества, и, несмотря на большое количество таких матерей, их «жизнь сложилась неудачно». Такая модель базировалась на идее о том, что мать-одиночка страдает из-за отсутствия мужчины, однако советское общество готово протянуть ей руку помощи и принять в ряды советских граждан. Вместе с толерантным отношением окружения возникала надежда на то, что социализированная мать-одиночка преодолет все трудности и останется частью рабочего коллектива или же, при самом оптимистичном прогнозе, устроит свое личное счастье. В специальных рубриках (например, «Нам пишут») публиковались подчеркнута бодрые письма матерей, которые, несмотря на все трудности, не бедствовали, поскольку чувствовали за спиной поддержку коллектива и государства: «Ну какая я мать-одиночка, – когда ко мне после рождения ребенка так чутко отнеслись все окружающие. В заводском садике к сыну относятся очень хорошо, да и дома ему материально неплохо» (От имени сына, 1954, с. 2). Борясь с общественным осуждением матерей-одиночек и призывая к толерантному отношению к ним, публицисты маркировали сам факт рождения ребенка вне зарегистрированного брака как «ошибку», последствия которой можно и нужно преодолеть, отрицая при этом возможность личного выбора и осознанности действий самих женщин.

Публицисты стремились избежать ассоциаций матерей-одиночек с одиночеством социальным – было важно подчеркнуть, что женщины окружены заботой и защитой и со стороны общества, и со стороны государства. Однако одиночество как душевное состояние женщины, самостоятельно воспитывающей ребенка, не вызвало сомнений у современников. Даже признавая материальное и социальное благополучие незамужних женщин с детьми, такие варианты семьи определялись как «печальные»: «Ребенок растет или в большой семье, в которой две опоры – мать и отец, или в печальных случаях, в маленькой, где опора – одна. <...> Но и помимо того, слово “одинокая” странно звучит в нашем обществе, где человек всегда в коллективе, среди товарищей» (Серебровская, 1954, с. 2). Как можно заметить, даже в одной статье (за авторством Елены Серебровской) имеются противоречивые послылы: семья, состоящая из одной матери и ребенка называется «неполноценной», однако в то же время выдвигается тезис, что «одинокая» мать не сталкивается с общественным порицанием и пренебрежением.

В целом, относительно позитивный и оптимистичный настрой периодической печати разделяли и некоторые матери-одиночки. Они писали письма в Верховный Совет, где сообщали, что им и их детям неплохо живется, однако эти письма сопровождалось требованиями о пересмотре брачно-семейного законодательства и о возвращении судебного установления отцовства: «Но я не имею малейшего желая получить эти 50 руб... Я хотела бы чтобы закон обязывал мужчину-отца нести и моральную и материальную ответственность» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 69–70). Характерно, что женщины, которые предпочитали репрезентировать себя в оптимистичном духе, старались не использовать в отношении себя термин «мать-одиночка», ведь они, несмотря на «неудачи», не смирились с «печальной участью», и продолжают жить, воспитывать ребенка и преодолевать все трудности.

Дискурс жертвы

Часть современников, выступавших в защиту матерей-одиночек, объясняла это тем, что эти женщины являются жертвами, они и их дети испытывают страдания, следовательно, заслуживают не осуждения, но жалости. Такая риторика позволяла продемонстрировать на живых примерах, к чему приводит или неразумное законодательство, или легкомыслие и безответственность мужчин. Матери-одиночки могли быть жертвой как Указа 1944 г., так и жертвой мужчин, что вновь лишало фигуру незамужней матери какой-либо агентности.

Образ матери-одиночки как женщины, расплачивающейся за ошибку или неудачу в личной жизни, был распространен как в общественном дискурсе, так и среди самих незамужних матерей. В отличие от позитивной модели, в данном случае упор делался на то, что положение матери-одиночки не только во всех смыслах тяжелое и незавидное, но еще и безнадежное. Как писали в «Литературной газете»: «Но все это не может ослабить или уничтожить боль, которая остается в сердце матери за ребенка, оставленного отцом» (О детских метриках..., 1958, с. 2). И хотя, по мнению автора, невозможно преодолеть личную трагедию женщины, оказавшейся в положении матери-одиночки, однако все еще остается шанс помочь ребенку-«безотцовщине».

В периодической печати о существовании общественной стигматизации в отношении незамужних матерей сообщалось довольно часто: «...оскорбляя одиноких матерей и их детей, мещанин убежден в своей правоте» (*Маршак* и др., 1956, с. 4); «А вот нашлось много людей, которые обвиняют и мать и ребенка. То лицемерная жалость, то открытая насмешка, то наглое оскорбление в лицо» (Там же). Противоречие заключалось в том, что порой сами публицисты косвенно поддерживали и соглашались с тем, что понятие «мать-одиночка» в советском обществе звучит как оскорбление: «...никому в голову не приходило, что полковник пятнадцать лет живет не со своей женой, а с какой-то “матерью-одиночкой”» (*Каверин*, 1960, с. 2). Однако, по мнению публицистов, это явление случайное, а не системное, и с ним бесполезно бороться: «Вот почему нам кажется также, что отдельные факты недостаточного уважения к незамужним матерям бывают порой обострены неудачным оформлением метрики их детей» (От имени сына, 1954, с. 2). Иными словами, проблема прямой и косвенной общественной стигматизации отрицалась или замалчивалась, и в качестве главной причины бедственного положения матерей-одиночек называлось действующее семейное законодательство. Фактически риторика того, что матери-одиночки являются аномалией для советского общества, была созвучна патриархальному дискурсу в отношении незамужних матерей и их «незаконнорожденных» детей. Подразумевалось, что женщины, родившие ребенка вне зарегистрированного брака, ответственны за дальнейшую общественную стигматизацию ребенка-«безотцовщины». В связи с этим публицисты настойчиво выступали за возможность установления фактического отцовства в суде: было необходимо исправить «ненормальную» и «неправильную» семью, состоящую исключительно из женщины и ребенка.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что матери-одиночки считались жертвами обстоятельств и неблагонадежности мужчин, которым в идеале приходят на помощь государство и общество. Современники, заступавшиеся за матерей-одиночек, обращали внимание и на недостатки в законодательстве, и на «недостойное» поведение мужчин. Среди них было много женщин, на своем опыте столкнувшихся с проблемой «безотцовщины», но также писали и женщины с благополучной и счастливой семейной жизнью, как, например, жительница Сочи, которая, по собственному ее признанию, была замужем, имела дочь «восьми лет законнорожденную»: «Кого защищает указом 8 июля 1948 г.? Ребенка? Мать? Нет. Он защищает отца.

А встречали вы отца-одиночку? Таких людей надо судить и через суд устанавливать отцовство и обязывать их платить алименты не менее 50 %» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 59).

Мужчины, которые писали письма во властные инстанции, также высказывались в защиту незамужних матерей. Как правило, это были отцы тех девушек, которые являлись матерями-одиночками, и они не понаслышке знали о проблемах, с которыми сталкивалась незамужняя женщина с ребенком в обществе: «Само собой разумеется, что в данном случае люди да и мы, как родители, убеждаем Лену примириться со своим позорнейшим положением девушки-матери-одиночки и спокойно воспитывать своего сына-безбатченка» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 318–326).

Письма женщин, представлявшихся читателям как матери-одиночки, зачастую написаны в довольно пессимистичном тоне. Авторы этих писем словно смиряются с неизбежным, и теперь их волнует только лишь судьба детей. Стратегия репрезентирования себя как жертвы включала причисление себя к стигматизированной группе и соответствие всем стереотипам о матерях-одиночках: бедность, беспомощность, общественная изоляция, неудавшаяся жизнь и безысходность. Вот, что пишет в редакцию журнала «Советская женщина» двадцатишестилетняя читательница: «Я одинокая мать... я осталась с ребенком одна и попала в малоприятное наименование мать-одиночка. Мне 26 лет – я только начала жить, но моя жизнь уже оборвана. Я не имею высшего образования и поэтому не имею приличных средств к существованию» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 72). Такие пассивность и депрессивность подчеркиваются и отношением к материнству, которое было нежелательным и описывается как несчастливое стечение обстоятельств для этих женщин.

Мотив неудачной и испорченной жизни незамужней матери выражается в жалобах на нехватку средств и отсутствии перспектив замужества, причем первое является следствием второго: «Если у нас действительно имеется равенство женщин и мужчин, то почему же незаконнорожденный ребенок ложиться тяжелым бременем только на мать, а именно: ее презирают люди, для воспитания ребенка нужны большие средства, примерно половину своей зарплаты каждая настоящая мать тратит на воспитание своего ребенка, а что же остается ей? она, почти как правило, не выходит замуж, ибо кому нужна нищая. Вся ее жизнь испорчена, вся молодость!» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 100–105). Наличие ребенка было не только экономическим и социальным бременем, но и становилось серьезным препятствием на пути к карьере, образованию или замужеству.

Женщины писали о том, как им пришлось скорректировать свои планы на жизнь и довольствоваться тем, что имели до появления ребенка. Кроме того, возникает вопрос о контроле собственного тела и репродуктивной системы, поскольку, судя по письмам, для большинства женщин «незаконнорожденный» ребенок был незапланированный. Многие женщины – авторы писем стали матерями-одиночками до 1956 г., т.е. до снятия запрета на аборт, которые вследствие отсутствия доступной контрацепции в СССР, были единственной возможностью прерывания беременности [Randall, 2011, p. 14–15]. В данном случае эти женщины своим жизненным примером иллюстрировали многочисленные утверждения в периодической печати о том, что мать-одиночка – это не самостоятельная женщина, совершившая осознанный выбор, а жертва несчастливого стечения обстоятельств и негативный пример жизни для других женщин.

Негативная модель

Негативные комментарии и высказывания в адрес незамужних женщин с детьми встречаются довольно часто в письмах, но никогда не встречались в периодической печати: официальный дискурс был на стороне одиноких матерей. Государственная поддержка, риторика статей в защиту матерей-одиночек, публикация писем незамужних матерей – все это ощущалось современникам как некий дискурсивный сдвиг, и многие были им недовольны. «Что такое мать-одиночка? Этот термин появился в недавние времена. Родят а потом льют слезы на страницах газет, пекутся, страдают за своих детей. В большинстве своем матери-одиночки это женщины или девушки, которые вмешиваются в семейную жизнь супругов, внося разлад в их жизни. Им в первую очередь квартира, их ребенок первый кандидат в дет-ясли, им государство помогает материально. Не помогать надо им а презирать» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488 Л. 19–31). Матери-одиночки описывались как нарушительницы общественного порядка, охотницы за мужчинами, от действий которых страдали и женатые мужчины, и замужние женщи-

ны, и их дети. Поэтому действующее законодательство казалось справедливым для автора письма, отрывок из которого приведен выше, – московской пенсионерки.

Некоторые современники были недовольны не только идеологическими изменениями, но и их потенциальным влиянием на нормативную сферу, а именно возвращением практики установления отцовства в суде. Следовательно, их реакцией было приписывание матерям-одиночкам корыстного интереса, который им не удалось удовлетворить при помощи мужчин, и теперь они просят помощи у общества и государства: «В свое время был издан закон о том если брак не зарегистрирован или случайное знакомство впоследствии как результат появился ребенок то при это обстоятельства алименты не платят – это совершенно *верно и справедливо* (курсив наш. – Е. В.). В конце концов серьезно женский пол заставили смотреть на жизнь» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 102–103). Похожие позиции по отношению к незамужним матерям были и у мужчин, следовательно, гендерные стереотипы в отношении матерей-одиночек разделяли и женщины, и мужчины: «Предлагаю не давать развода из-за семейной ссоры. Не выплачивать денежных пособий одиночкам (тогда женщина будет умнее). Несчитать брак ным безрегистрации» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 61). Однако можно заметить некоторое противоречие: матери-одиночки, по мнению некоторых авторов писем, корыстные и меркантильные люди, которые тщательно планируют «сворачивание» мужчины, но в то же время это недалекие и легкомысленные женщины.

Заключение

Таким образом, мать-одиночка была четко обозначенной категорией в послевоенном законодательстве, однако в обществе сосуществовали совершенно разные примеры употребления этого понятия, которые касались разных категорий матерей. Женщина с ребенком, попавшая в поле зрения современников, могла быть обозначена как мать-одиночка, формально ею не являясь, но, с другой стороны, женщина, получавшая пособие от государства, с позиции общества не являлась матерью-одиночкой.

Отсутствие единодушия и четких критериев в отношении незамужних матерей позволяет говорить о том, матери-одиночки были фигурой неоднозначной для современников, не было коллективного консенсуса среди их «адвокатов» и «обвинителей».

Сами незамужние матери воспринимали свое положение по-разному: кто-то сознательно или неосознанно вписывал себя в дискурс жертвы и выступал с позиции принятия своей незавидной участи, а кто-то отказывался вписывать себя в действующую парадигму и не причислял себя к матерям-одиночкам. И те, и другие вместе с современниками признавали ряд стереотипов в отношении матерей-одиночек, ставя их значительно ниже остальных советских матерей. Однако из-за размытости и флюидности понятия «мать-одиночка» эта стигматизация охватывала большое количество женщин и их детей, признавая их семьи «неполноценными». Понятие «мать-одиночка» является лишь частью сети понятий и представлений о гендерных и семейных нормах 1950–1960-х гг.

Примечания

¹ Данная статья выполнена в рамках проекта № 19-39-90050 Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Аспиранты». Автор выражает благодарность за помощь в подготовке статьи Алисе Клоц.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 61, 69–70, 72, 100–105, 117–118, 168–170; Д. 232. Л. 72, 97–98, 102–103, 318–326.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 12–14, 19–31, 43–52, 59.

Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=507#04863223381935209> (дата обращения: 30.01.2020).

О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке [Электронный ресурс]: Постановление ЦИКСССР от 19 ноября 1926 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44825#04508484194193392>(дата обращения:30.01.2020).

О дополнениях и изменениях Уголовного кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2210.htm (дата обращения: 29.01.2020).

О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах [Электронный ресурс]: Постановление ЦИКСССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1926 г. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#01404560319847512> (дата обращения: 30.01.2020).

О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 21 ноября 1941 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1009#02436683242891291> (дата обращения: 30.01.2020).

В интересах детей // Литературная газета.1956. 31 июля.

Каверин В. О расколовшихся семьях // Литературная газета. 1960. 17 декабря.

О детских метриках и разводах // Литературная газета. 1958. 1 ноября.

От имени сына // Литературная газета. 1954. 28 августа.

Редько Л. Сын пришел из школы... // Литературная газета. 1953. 5 мая.

Серебровская Е. Жизнь вносит поправку // Литературная газета. 1954. 16 января.

Это отвергнуто жизнью / С.Я. Маршак, Г.С. Сперанский, Д.Д. Шостакович, И.Г. Эренбург // Литературная газета. 1956. 9 октября.

Библиографический список

Денисова Л.Н. Политическая спираль семейного законодательства // Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: РОСПЭН, 2007. С. 19–51.

Олсон Л., Адоньева С. Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М.: НЛЮ, 2016. 440 с.

Chernova Z. The Model of "Soviet" Fatherhood // Russian Studies in History. 2012. Vol.51(2). P. 35–62.

Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 351 p.

Hoffmann D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941. NY: Cornell University Press, 2003. 264 p.

Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. P. 40–68.

Randall A. "Abortion will deprive you of happiness!": Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era // Women's History. 2011. Vol. 23(3). P. 13–38.

Utrata J. Women Without Men. Single Mothers and Family Change in the New Russia. New York: Cornell University Press, 2015. 288 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2020

AN "ALIMONY HUNTER" OR A "VICTIM": SINGLE MOTHER AS A CATEGORY IN THE 1950s AND 1960s SOVIET EVERYDAY LIFE

Е. А. Voronova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia

kathy-voronova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2456-8488

ResearcherID: 4510060

The article shows that in Soviet society single motherhood existed in a variety of forms. The author claims that Soviet single mothers were contradictory figures, as the 1944 Family Law stated that non-marital childbearing wom-

en were officially supported by the pro-natal state. Contemporaries usually did not make any difference between war widows with children, unmarried women with children from cohabitation with men, and «real» single mothers. According to the author, between the 1950s and 1960s, the image of single motherhood in USSR fluctuated from the positive model of a woman, trying her best in single child-rearing to a predatory woman, the «gold digger» who was engaged in adultery with married men and ruined «normal» Soviet families. On the basis of letters to the authorities, the author shows how the term «single motherhood» was associated with the positive and negative sides of Soviet motherhood. Mothers usually refused to identify themselves as «single mothers» because of social stigma, so they chose different strategies in self-representation. Finally, the unstable and contradictory position of Soviet single mothers in people's minds demonstrates both the issues of gender order and social and cultural shifts in the post-war USSR.

Key words: Soviet gender order, single mothers, letters to the authorities, Soviet family, Soviet family law.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number №19-39-90050. I would like to express my gratitude to Alissa Klots for discussing the draft version of this article and for her insightful comments.

References

- Chernova, Z. (2012), “The Model of “Soviet” Fatherhood”, *Russian Studies in History*, 2012, Vol. 51(2), pp. 35–62.
- Conze, S. (2001), “Women’s Work and Emancipation in the Soviet Union, 1941–1950”, in Ilic, M. (ed.), *Women in the Stalin Era*, Palgrave, London, UK, pp. 216–234.
- Denisova, L.N. (2007), *Syd’ba russkoy krest’yanki v XX veke: brak, sem’ya, bit* [The destiny of Russian peasant women in XX century; marriage, family, life], ROSPEN, Moscow, Russia, 480 p.
- Field, D. (2007), *Private Life and Communist Morality in Khrushchev’s Russia*, Peter Lang Publishing, Inc., New York, USA, 149 p.
- Goldman, W. (1993), *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 351 p.
- Hoffmann, D. (2003), *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941*, Cornell University Press, New York, USA, 264 p.
- Ilic, M., Reid, S. & L. Attwood (2004), *Women in the Khrushchev era. Studies in Russian and East European History and Society*, Palgrave Macmillan, London, UK, 254 p.
- Nakachi, M. (2006), “Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language”, *East European Politics and Societies*, Vol. 20, № 1, pp. 40–68.
- Olson, L. & S. Adonyeva (2016), *Miri russkoy derevenskoy djenshini: tradiciya, transgressia, kompromiss* [Universes of Russian peasant women: tradition, transgression, compromise], NLO, Moscow, Russia, 440 p.
- Randall, A. (2011), “«Abortion will deprive you of happiness!»: Soviet reproductive politics in the post-Stalin era”, *Women’s History*, 2011, Vol. 23(3), pp. 13–38.
- Utrata, J. (2015), *Women Without Men. Single Mothers and Family Change in the New Russia*, Cornell University Press, New York, USA, 288 p.